

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

М. М. Каменский и Д. О. Святский в историческом проекте Н. А. Морозова

Н. Г. Баранец

Резюме. Статья посвящена одной из страниц истории отечественной науки — участию астрономов в исторических исследованиях Н. А. Морозова — М. М. Каменского и Д. О. Святского. В статье использован материал из фондов Казанской научной библиотеки фонда рукописей и редких книг, а так же Архивов Академии Наук.

Ключевые слова: история отечественной астрономии, методология науки, историология.

**M. M. Kamenskii and D. O. Sviatskii
in the Historical Project of N. A. Morozov**
N. G. Baranets

Summary. The article is devoted to one of the pages of Russian scientific history. The participation of astronomers (M. M. Kamenskii and D. O. Sviatskii) in historical studies of N. A. Morozov. The article uses the materials from Kazan Scientific Library of Manuscripts and Rare Books funds, as well as the archives of the Academy of Sciences.

Keywords: history of national astronomy, science methodology, historiology.

Работа поддержана грантом РГНФ № 14-13-73001.

Исторический проект Н. А. Морозова встретил интерес и поддержку со стороны естественников, которым была близка идея найти закономерности в историческом процессе. Прежде всего, их привлекала идея использовать некоторые естественные и математические методы в анализе исторической реальности.

Существенную помощь Н. А. Морозову в 1907–1914 годах оказывал астроном *Михаил Михайлович Каменский* (1879–1973). Его судьба и научная биография были связаны вначале с Российской империей, а затем с Польшей, в которую он эмигрировал в 1922 году и известен больше как польский учёный. Он родился в Могилёвской губернии. В 1903 окончил Петербургский университет. С 1903 по 1908 работал в Пулковской обсерватории, а с 1909 по 1914 — научный сотрудник гидрографического отдела российского военно-морского флота. В 1914 году переехал во Владивосток и по 1920 год состоял на службе в качестве астронома военного порта и начальника Морской обсерватории. В 1920 году по приглашению гидрографического отдела японского морского флота работал в Токио по приглашению. В 1922 году переехал в Польшу, где стал преподавать астрономию в Варшавском университете. В 1935 организовал астрономический отдел в метеорологической обсерватории на горе Поп-Иван в Карпатах. В 1945–1963 вёл

научно-исследовательскую работу в Кракове. В 1963 вновь переехал в Варшаву и продолжил свои научные исследования.

Основные научные работы М. М. Каменского посвящены кометной астрономии. Он занимался наблюдением движения комет Вольфа 1 и Галлея. Построил численную теорию движения кометы Вольфа 1 с учетом возмущений от шести планет (от Венеры до Урана) и негравитационных эффектов. Доказал, что негравитационные силы, действующие в окрестности кометного перигелия, могут вызывать не только вековое ускорение в движении кометы, но и вековое замедление (комета Вольфа 1). М. М. Каменский предложил метод позволяющий оценить планетные возмущения кометной орбиты, который применил для изучения движения кометы Галлея на большом интервале времени, используя при этом записи в древних хрониках. Занимался исследованиями по гидрографии, проблемам земного магнетизма, астрометрии и метеорологии. Им были опубликованы синоптические карты Восточной Сибири. По его инициативе создана система станций по наблюдению арктических льдов от Владивостока до Берингова пролива.

В архиве Н. А. Морозова сохранилась обширная переписка, которую они регулярно вели с М. М. Каменским до середины 20-х годов. М. М. Каменский в качестве астронома Пулковской обсерватории выполнил по просьбе Н. А. Морозова астрономические расчёты, для независимой перепроверки сделанных расчётов Н. А. Морозова. Вот его первый отзыв в письме к Н. А. Морозову о книге «Откровение в грозе и буре» от 29 марта 1907 года:

«Дорогой Николай Александрович!

Вашу книгу — «Откровение в грозе и буре» — я имел удовольствие сегодня получить. Благодарю Вас за неё очень; она мне чрезвычайно понравилась во всех отношениях (между прочим — издана прекрасно, не смотря на такую недорогую цену). Желаю Вашей книге самого широко распространения и второго издания — к которому Вы, быть может, позволите представить некоторые примечания — не касающиеся, впрочем вопроса по существу...» [1].

После внимательного прочтения книги, М. М. Каменский укрепился в своей поддержке, идее Н. А. Морозова (письмо от 5 апреля 1907 года):

«Дорогой Николай Александрович!

Прочтя весьма внимательно Вашу книгу, я нашёл, что совокупность аргументов, приводимых в ней, настолько убедительна, что не оставляет никакого сомнения (по крайней мере, для меня лично) в истинности

Ваших предположений относительно времени написания и автора Апокалипсиса. Если мы, к тому же поставим следующий вопрос: какова вероятность того, чтобы автор Апокалипсиса, выдумав на удачу некоторые 5 образов (созвездия) и 5 других образов-коней (планеты), придумал ещё последние некоторые произвольные цвета, — попал на такое расположение этих образов, каковое, при Вашей гипотезе относительно коней — имеет место на небе 30 сент. 395 г. — то окажется, что вероятность этой гипотезы отличается от 1 только на очень малую дробь $1/N$, где N — число весьма большое — несколько сот миллионов... Таким образом, эту вероятность можно считать равной единице, что указывает на достоверность сделанной Вами гипотезы...» [2].

М. М. Каменский в своей поддержке пошёл дальше — он опубликовал заметку в газете «Русь» «По поводу книги Н. А. Морозова об Апокалипсисе» (7 апреля 1907 года). Он весьма выверено и аккуратно изложил свои соображения относительно достоверности гипотезы Н. А. Морозова, чётко показав что является подтверждаемым допущением и что есть несомненно истинный результат расчётов. Так, допущение — что Апокалипсис это «астрономическое сочинение», в котором кони «суть планеты». «Какова математическая вероятность того, чтобы в некоторый момент времени Солнце и 4 планеты — находятся в определённых созвездиях. Предполагая, что положение их на небе в пределах 150 долготы, не трудно найти, что вероятность одновременного пребывания планет в указанных созвездиях отличается от единицы только на очень малую дробь $1/7.962,624$. Если же принять во внимание, что 30 сентября 395 года происходило солнечное затмение, то выше написанная дробь ещё более уменьшается, и вероятность такового расположения планет еще более приближается к единице, то есть к достоверности. ... расположение планет может повториться более одного раза. Но так как сперва Н. А. Морозов, а затем я и Н. Ляпин показали, что оно имело место только 30 сентября 395 г. — следовательно, при вышеуказанном допущении, Апокалипсис, мог быть написан около этого времени. Другой вопрос — насколько правдоподобно сделанное выше допущение, относительно того, что автор Апокалипсиса под конями подразумевал планеты. Это допущение конечно не более как гипотеза Н. А. Морозова. Но если мы её примем во внимание, то эта гипотеза, подтверждённая астрономическими наблюдениями над положением и окраской планет — становится, в высокой степени правдоподобна» [3].

Личное и научное сотрудничество Н. А. Морозова и М. М. Каменского выразилось в их дальнейших контактах и тех расчётных работах, которые М. М. Каменский делал для следующей книги Н. А. Морозова — «Пророки». Хотя из-за отъезда М. М. Каменского из Санкт-Петербурга во Владивосток, а затем в Варшаву возможность сотрудничества существенно уменьшилась, тем не менее, они обменивались научными наблюдениями, оттисками статей и опубликованными книгами. Работая в порту Владивостока М. М. Каменский находился в вынужденной научной изоляции и в регулярных письмах к Н. А. Морозову излагал

результаты своих наблюдений за кометами, а так же расчёты влияния на их траекторию планет. Эта переписка поддерживала его научный интерес и неизменное внимание Н. А. Морозова укрепляло М. М. Каменского в решимости продолжать свои научные исследования [4].

М. М. Каменский высоко ценил возможность сотрудничества с Н. А. Морозовым и, несмотря на свою загрузку служебными обязанностями, всегда находил время провести необходимые расчёты положений планет в интересующие Н. А. Морозова даты. В период 1917–1923 годов их переписка прекращается, но после переезда в Варшаву М. М. Каменский её возобновил, продолжая делиться с Н. А. Морозовым результатами своих научных исследований и информировать его о реакции на книгу «Христос» польских коллег. Приведём несколько извлечений из писем 1928 года:

В письме от 31 марта 1928 года М. М. Каменский пишет в отношении историологического проекта Н. А. Морозова, выделяя цель этого масштабного исторического изыскания: «... знаю и верю, что цель у нас одна — именно, искание Вечной Правды. Искренно желаю Вам поэтому ещё много лет плодотворной работы в области Науки и хочу верить, что Вы найдёте Истину в конце Ваших исканий. Всегда с интересом слежу за ними, а в особенности — „Христос“ (уже 3 тома имею) — и часто с проф. Ф. Зелинским о них говорю. Как Вам известно, он не соглашается с Вами — в особенности насчёт „лингвистических спектров“...» [5].

Письмо М. М. Каменского к Н. А. Морозову от 15 августа 1928: «Все тома „Христа“ (I–II–III–IV) мы приобрели для библиотеки обсерватории — равно как будем приобретать и следующие тома... Этим летом я особенно внимательно читал том III; остальные — за недостатком времени — просматривал, но очень внимательно. Делаю это с величайшим интересом и нахожу так много оригинального, занимательного и нового — что ничуть не сожалею. Особенно меня — как не специалиста — заинтересовал том III (первая его половина). Однако, Вы знаете — что очень многие не согласны с Вами... На съезде Астрономическом в Лейдене (в июле с. г.) я говорил с Михайловым (специалистом по затмениям) — однако, он содержания Вашего IV тома „не одобрил“. Не находите ли Вы, что было бы очень желательно написать выдержки из IV тома (о древних затмениях) на иностранном языке — пусть бы специалисты сказали своё слово! Это было бы очень важно для теории движения Луны» [6].

Нам не удалось обнаружить других писем, относящихся к 30-м годам, но очевидно, что отношение М. М. Каменского, ставшего уже признанным учёным, руководителем обсерватории, к Н. А. Морозову оставалось прежним — он ценил его научную деятельность и работу «в поиске Великой Истины».

Одним из сотрудников в астрономическом отделении научного института имени П. Ф. Лесгафта членом Русского общества любителей мироведения был Святский Даниил Осипович (1881–1940). Известно, что родился в г. Севске. В 24 года попал в тюрьму за антиправительственные выступления среди рабочих-железнодорожников и крестьян Орловской губернии.

Любительски интересовался астрономией и метрологией. В 1909 году написал Н. А. Морозову письмо, в котором выразил своё восхищение его деятельностью и просил о встрече. С этого времени началась их долгая дружба и сотрудничество. Будучи чрезвычайно инициативным человеком Д. О. Святский помогал Н. А. Морозову в руководстве «Русским обществом любителей мироведения» (РОЛМ). По его инициативе стал выходить журнал «Известия РОЛМ», переименованный в 1917 году в «Мироведение». Издание журнала имело важное значение для работы РОЛМ и способствовало образованию ряда провинциальных отделений [7].

Знакомство с Н. А. Морозовым и обсуждение его книг, привело Д. О. Святского к профессиональному исследованию проблем истории астрономии. Приведём выдержку из письма Д. О. Святского от 15 февраля 1909 года: *«Глубокоуважаемый Николай Александрович! Вы меня, конечно, не знаете — но я Вас знаю по Вашим произведениям. Я — скромный провинциальный астроном-любитель и естественник, недавно только выбравшийся в Петербург. Страшно хочется видеть Вас, говорить с Вами — и быть помощником Вам в Ваших научных занятиях... У меня много вопросов, которые хотелось бы обсудить при разговоре с Вами, в частности по поводу Вашего «Откровения в грозе и буре» [8]. После состоявшегося знакомства Д. О. Святский старался быть полезен Н. А. Морозову — информировал его о научных мероприятиях, делал выписки в Пулковской библиотеке, читал корректуры, советовался по поводу своих исследований и проводил реконструкции и эксперименты, с целью определить техническую возможность наблюдений при помощи определенных астрономических приборов (всё это видно из регулярной переписки Д. О. Святского с Н. А. Морозовым).*

Вначале он увлекается проблемой выявления и интерпретации в тексте Библии астрологических и астрономических эпизодов. Результаты своих изысканий он изложил в брошюре «Страшный суд как астральная аллегория» (1911). Эта работа была историко-астрологическим описанием христианской иконографии.

По предложению филолога, академика А. А. Шахматова Д. О. Святский в 1914–1915 году занимался исследованием отражения в русских летописях астрономических явлений [9]. Итогом стала книга «Астрономические явления в русских летописях» (1915) с приложением «Канона русских затмений» (с 1060 по 1705 год), составленного вместе с ещё одним сотрудником и младшим коллегой Н. А. Морозова по институт им. Лесгафта, астрономом М. А. Вильевым.

В марте-ноябре 1917 года РОЛМ был преобразован и расширен. Секретарь общества В. А. Казицин и редактор «Мироведения» Д. О. Святский были делегированы в Петроградский совет депутатов. Благодаря финансовой поддержке Наркомпроса несмотря на затруднения революционного времени журнал «Мироведение» продолжал выходить.

Благодаря энергичным действиям Н. А. Морозова спасшего институт от закрытия, часть сотрудников РОЛМ и журнала были приглашены работать в со-

зданное Астрономическое и астрофизическое отделение. Ассистентами Н. А. Морозова стали С. В. Муратов и Д. О. Святский, научными сотрудниками-вычислителями — М. А. Вильев, Н. М. Штауде и Н. И. Идельсон. До 1929 года работа в астрономическом отделении проходила весьма эффективно. Часть сотрудников под руководством Г. А. Тихова занимались астрофотографией, исследованием состава атмосферы Земли и планет Солнечной системы, проблемами астробиологии. Вычислительное бюро занималось составлением упрощённых таблиц для вычисления положений Солнца, Луны, и планет с целью быстрого определения дат исторических памятников, имеющих указания на астрономические явления.

Привычка дружески собираться и обсуждать интересующие в том числе и политические вопросы привела к тому, что часть сотрудников в период «чисток», внутренней борьбы в астрономическом сообществе, оказалась под подозрением и была арестована. Среди пострадавших оказался и Д. О. Святский, он был арестован 27 марта 1930 года и после следствия осуждён на три года за вредительство. Среди прочего в обвинении фигурировало «вредное» предложение Д. О. Святского назвать именем Петра Великого звезду — новую в созвездии Лисички. Эта звезда загорелась в июне 1670 г., астрологи связывали это событие с рождением Петра I. На самом деле Д. О. Святский только описал в одной из своих статей в журнале «Мироведение». Кроме того, ему инкриминировали связь с партией кадетов и то, что он предложил избрать в РОЛМ в декабре 1917 года графиню С. В. Панину, покровительницу науки и культуры. Он был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, где выполнял обязанности метеоролога [10].

В середине 1932 года Д. О. Святского освободили, и он работал в Ленинграде в Гидрологическом институте. По рекомендации В. И. Вернадского он пишет «Очерки по истории астрономии в Древней Руси». После убийства 1 декабря 1934 г. Кирова в Ленинграде, Д. О. Святский был в феврале 1935 года в административном порядке выслан в Алма-Ату, где работал метеорологом. В 1937 году его увольняют с работы «ввиду несоответствия», пытаются выселить из квартиры. Он обращается с жалобой в Главное управление гидро-метеослужбы. В августе 1938 года нарком земледелия Казахской ССР А. Д. Бектасов предлагает ему работать агрометеорологом в Актюбинске. Д. О. Святский переезжает в Актюбинск, но в январе 1940 года скоропостижно умирает. Его труд по истории астрономии «Очерки истории астрономии в Древней Руси» был опубликован через двадцать лет после смерти.

В период до 1915–1918 годов концептуальное влияние и методологическое влияние Н. А. Морозова на работы Д. О. Святского было сильным. Фактически Д. О. Святский развивал историологию Н. А. Морозова в плоскости оценки астрономических упоминаний в древних и средневековых источниках и вычисления возможной датировки этих источников. Он реализовал намеченное Н. А. Морозовым новое направление в исследовании нарративных источников — анализ их на обнаружение астрономических

описаний. В сборнике статей «Под сводом хрустального неба. Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения» (Спб., 1913) собраны работы Д. О. Святского с 1909 по 1913 год, анализ которых показывает, что он пользовался разработанной морозовской методологией, направленной на обнаружение и интерпретации астрономических и метрологических явлений в летописях, хрониках и Библии. Цель работ — выяснить ход астральных (астрологических и астрономических) представлений людей в древности и средние века. Предмет интереса и методология, которую использует Д. О. Святский, отражает влияние Н. А. Морозова.

Один из очерков посвящён разбору и интерпретации видений пророка Иезекииля. Книга видений неизменно исследователей и толкователей, но в ней оставалось много тёмных мест, которые, по мнению Д. О. Святского, обретают ясность, если увидеть в них отражение астрономических явлений, зафиксированных пророком. Главная часть видений Иезекииля представляет собой подробное описание каких то четырёх животных, у которых облик был как у человека. У каждого четыре лица и четыре крыла «А ноги их — ноги прямые, и ступни ног их, как ступни но у тельца... Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех четырёх, а с левой стороны — лице тельца у всех четырёх и лице орла у всех четырёх» (Иезек. 1, 5–7, 10). Это выражение обозначает, что каждое животное соединяло в себе четыре облика — то есть голова была человеческая, а вид туловища — львиный, вид ног — как ступни у тельца, что дополнялось крыльями орла. Д. О. Святский приводит пример такого изображенного животного на каменных вавилонских досках, традиционно датируемых 12 веком до н. э. Он делает предположение, что образ крылатого гения (херувима) возник из соединения особенностей, присущих четырём главным животным небесной сферы, симметрично расположенным на ней одно против другого, как это показал Н. А. Морозов в «Откровении в грозе и буре». То есть имеется в виду созвездие Тельца Льва, крылатого коня Пегаса и Стрельца. Эти созвездия совершают по небу ежедневный путь с востока на запад. «Смешанный же образ крылатого быка — херуба, возникший отсюда, стал астрономическим символом, и на четырёх таких херубах поддерживалась армиллярная сфера вавилонских астрономов. Впоследствии, когда образ самих херубов вавилонских был утрачен, магометане и христиане стали представлять себе херубимов ангелами, но астрономический смысл их всё ещё сохранялся» [11].

Астрономическая интерпретация Д. О. Святского этой части пророчества следующая. В библейском описании говорится, что крылья этих животных «простирались прямо и соприкасались одно к другому». По-видимому, это символизирует крыловидные полосы прямого восхождения неба, все соприкасающиеся между собой в небесном полюсе неба. «Крылья» же прямого восхождения неба выражаются астрономически в часах и градусах. Аналогично в апокалипсисе, по Н. А. Морозову, выражение в часах и в астральной мусульманской легенде «Кырык Сюаль». Так как

в пророчестве Иезекииль сказано, что животные движутся не оборачиваясь, каждое в направлении лица своего — это даёт основание полагать намёк на движение созвездий по небесной сфере. Причём в силу непонятности для толкователей в некоторых версиях Библии этот фрагмент намеренно упускался, чтобы не создавать не нужного непонимания у читателя. Кстати, Гербранс также давал астрономическое объяснение этой части, так же как в упоминаемых колёсах, которые виднелись у этих животных, видел обозначение главных астрономических кругов в армиллярной сфере, которых четыре — экватор, эклиптика, главный меридиан и горизонт. Эти круги-колёса пересекаются между собой под разными углами и при мысленном перенесении их на небо, будучи окружены звёздами, — дают объяснение столь странному образу «колёс с мерцающими очами». Ещё одно объяснение — огонь, который ходит между животными — это солнце в его движении по небесному своду среди зодиакальных созвездий. Д. О. Святский отмечает, что Н. А. Морозов в своём анализе продвинулся дальше Гербранса: «*Сущность видений Иезекииля понимается и Гербрансом и Морозовым одинаково, во многих частях они идут также рука об руку, но там где Гербранс, связан традициями, бессильно останавливается, Николай Морозов раскрывает удивительные исторические перспективы. В настоящее время им обрабатывается по шлицельбургским запискам и готовится к печати новый труд, являющийся продолжением „Откровение в грозе и буре“. Он будет носить название „Пророков“, и в него войдет и полное исследование всей книги Иезекииля*» [12].

Прямым продолжением астрономического метода анализа и датировки нарративных источников, разработанного Н. А. Морозовым, является установление времени чуда пророка Исаии, сделанное Д. О. Святским. В отличии от К. Фламариона, полагавшего «опыт» пророка Исаии своего рода фокусом, Д. О. Святский находит вполне естественно-научное, реалистическое объяснение тому, как солнечная тень, «спускавшаяся по ступеням Ахазовым, могла возвратится вспять на десять ступеней». Отступление тени от гномон назад может быть замечено во время неполного солнечного затмения. Около небольшой его фазы, когда световой пучок лучей исходит не из центра Солнца, а от его серпа, центр последнего может оказаться ниже центра солнца на 15'; затем лунный диск, закрывая нижнюю часть солнца постепенно, последовательно освобождает западный его край и верхний, так что положение серпа быстро меняется, и его световой центр в течение всего нескольких минут переходит от нижнего края солнца к верхнему, изменяясь по дуге на 30'. Видимая высота светового центра солнца повышается над горизонтом на 1/2°. От такого быстрого перемещения его, тени всех предметов, особенно высоких, должны укоротиться — отступить назад на несколько ступеней. Если затмение наблюдалось в период близкий к зимнему солнцестоянию, то это явление было наиболее выражено. На основании библейского рассказа можно предполагать, что затмение было наблюдаемо в послеполуденные часы,

так как тень перед этим не исходила, а спускалась по ступеням, то есть не укорачивалась, а удлинялась. На основании анализа солнечных затмений, происходивших и наблюдаемых в этом регионе, Д. О. Святский (не подвергая сомнению принимаемое традиционно историками время правления царя Езекии), делает заключение, что время чуда Исаии 704 год.

В таком же астрономическом духе Д. О. Святский анализирует появление Вифлеемской звезды. Конечно, он был не первым, кто попытался увидеть и расшифровать астрономический подтекст этого события. Он перечисляет идеи своих предшественников: комета (Иоанн Дамаскин, С. Любинецкий), появление новой звезды (Д. Кардан), соединение Сатурна и Юпитера в созвездии Рыбы (И. Кеплер, Курд-Лесвиц), планета Венера (Е. А. Предтеченский). Необычный блеск Венеры мог быть истолкован древними астрологами как предзнаменование. Н. А. Морозов так же полагал, что Венера может быть отождествлена с Вифлеемской звездой. Астрономы отмечали удивительное совпадение некоторых созвездий на небе в полночь на 25 декабря с евангельским рассказом о рождении Иисуса в яслях. В названии созвездий символически зашифровано событие рождения Христа. В это время на Востоке появляется созвездие Девы «говорящее о „рождении“ благодатного светила, перед восходом же Девы на середине неба уже стояли Ясли, а впереди Яслей шли с „высоты востока“ на запад Три царя (созв. Ориона)» [13]. Сторонником такой интерпретации евангельского рассказа был А. Немоевский. В филологическом смысле вифлеем означает дом хлеба, а созвездие Девы изображают в виде Девы с хлебными колосьями в руках. Созвездия зодиака у древних астрологов именовались домами. Поэтому есть астрологический смысл в ответе волхвов-книжников на вопрос Ирода — где должен родиться Иисус: «в Вифлееме Иудейском», то есть потому в Вифлееме, что звезда соответствует созвездию «дома хлеба» или созвездию Девы.

Отношение Д. О. Святского к историологии Н. А. Морозова постепенно изменилось — под влиянием как обстоятельств собственной жизни (получения заказа от членов исторического отделения Академии наук на исследование русских летописей и нежелание конфликтовать с представителями исторического сообщества), так и под впечатлением критики 20–30-х годов. Сохраняя до конца жизни нормальные деловые отношения с Н. А. Морозовым (работа в РОЛМ, журнале «Мироведение»), он постепенно стал критически относиться к сделанным Н. А. Морозовым выводам о датировании Апокалипсиса. На Д. О. Святского сильное впечатление оказывали «авторитетные» публикации европейских исследователей. Это проявилось в середине 20-х годов, когда он опубликовал в журнале «Мироведение» несколько критических заметок, направленных на продвижение концепции Ф. Болла¹ и опровержение результатов Н. А. Морозова. При этом следует заметить, что и в дальнейших своих исследованиях, направленных на реконструкцию астрономических и астрологических заметок и сим-

волах в русских летописях, он опирался на методологию, разработанную Н. А. Морозовым.

Особенно сильное впечатление на Д. О. Святского произвела книга Ф. Болла — историка и филолога, который дал своё истолкование Апокалипсиса, которое так же имеет астрологические мотивы, но не складывается в какую-то осмысленную картину. Тем не менее, эта версия не наносит никакого урона сложившейся исторической традиции и не требует изменения хронологических представлений. Кстати, Ф. Болл не ссылался на работу Н. А. Морозова, хотя не мог её не знать как специалист в этой области и библиотекарь — так как перевод «Откровение в грозе и буре» на немецком языке наделал в интеллектуальных кругах Германии много шума. Работа Ф. Болла прямо зависит от «Откровений в грозе и буре», но её автор не счёл нужным сослаться на этот труд Н. А. Морозова. Д. О. Святский с некоторым смущением и недоумением отмечает этот факт, в сущности, не уникальный — так же поступали со своими русскими коллегами некоторые европейские учёные — использовали результаты, не упоминая их авторов [14].

Д. О. Святский, сравнивая результаты Н. А. Морозова и Ф. Болла, пишет следующее: «... в объяснениях Апокалипсиса Ф. Болл стоит на том же фундаменте, то и Н. А. Морозов, именно допускает, что книга имеет астрологическую основу, на которой расшивались мистические узоры. Расхождение с Морозовым у Болла в том, что последний не согласен видеть в Апокалипсисе астрономической картины, наблюдавшейся автором этой книги в определённый день и час. Автор показывает, что об этом не может быть и речи что в Апокалипсисе находится связанное последовательное описание целого ряда астрономических картин, сменяющих одна другую, на протяжении целого ряда лет. Болл утверждает, что апокалиптические кони — символы четырёх ветров, стоящие в связи с четырьмя последовательно сменяющимися друг друга годами, а садники на них — звёздные божеества четырёх зодиакальных созвездий, покровительствующие этим годам...

Приём и мысль автора Апокалипсиса, по мнению Ф. Болла, понятны; они объясняются очень хорошо с точки зрения характернейшей особенности эллинистического религиозного умозрения. Греки всякую отдельную единицу времени, начиная с часа и кончая мировой эпохой, ставили под сменяющееся управление звёздного божеества (что до сих пор осталось в названиях дней недели на французском и др. иностранных языках).

Вывод, однако, из этого получается чрезвычайно неутошительный для гипотезы Н. А. Морозова. Новый исследователь, владея тем же методом, пришёл к совершенно иной схеме, чем у Морозова, отпал самый сильный довод Морозова, что иной картины звёздного неба

1 Болл Франц Иоганн Евангелиста (1867–1924) — немецкий филолог, историк науки, исследователь эллинистической астрологии. Учился в Берлинском и Мюнхенском университетах. Работал в Баварской государственной библиотеке, был директором библиотеки манускриптов Манано, профессором Вюрцбургского и Гейдельбергского университетов, членом академий наук Гейдельберга, Мюнхена, Болоньи и почётным доктором университета Падуи.

считать в тексте Апокалипсиса нельзя, чем та, которую он предлагает. Оказывается, возможно; с точки зрения филологической и истории астрологии иная картина оказывается даже более правдоподобной²; но, держа в себе описание ряда годов, она не даёт, к сожалению, никакого ключа для раскрытия хронологической даты написания загадочной книги. Этим самым спор историков и астрономов теряет свою остроту...

Пусть Морозов ошибся, увлечись открывшейся возможностью датировки Апокалипсиса. Пусть ружула в пропасть «эпоха IV века», к которой Н. А. Морозов впоследствии начал уже за волосы притягивать и все другие мировые события. Но, основного отрицать невозможно: он произвёл подлинную революцию во взгляде на самую сущность древней апокалиптики, обратившись к астрономии и астрологии» [15].

В продолжении, в следующем номере «Мироведения» Д. О. Святский, опираясь на мнение Н. В. Румянцева, доказывает, что возможны и другие астрологические истолкования Апокалипсиса. В частности, фигуры с серпами по Н. А. Морозову обозначают Волопаса с серпом и лунный серп новорождённой Луны, а Н. В. Румянцев увидел в этом указание на Персея (так как есть упоминание, что римский астролог Манилий упоминал «Персей с серпом», к тому же с XIV века, якобы не упоминается серп Луны, а есть астральный символ Персея с серпом). Если Н. А. Морозов буквально истолковывал созревание винограда и жатву как указание на сентябрь, то Н. В. Румянцев утверждает, что в Азии жатва происходит раньше, чем созревает виноград, и данное упоминание ни на что не указывает. Второй важный образ — Дева, одетая Солнцем. По Н. А. Морозову, это положение, соответствующее сентябрю, по мнению же Д. О. Святского, пересказывающего Дюпюи³, — «Дева не в сентябре одета, а в течение всех дней года бывает астрально одета в Солнце и имеет под ногами Луну. Ещё до начала нашей эры астрологи на основании ряда соображе-

ний поделили Зодиак с его 12 созвездиями на более мелкие части: на „декань“, т. е. „десятки“, так как каждый из деканов равнялся 100. В связи с этим каждое созвездие было поделено на три таких декана, а каждый из деканов был поставлен в связь или отведён той или иной из семи планет, подобно тому, как дням недели тоже были присвоены названия планет. Заметим далее, что внизу — под ногами Девы начинается или находится следующее созвездие Весов. И Дюпюи указывает, что, по учению астрологов, первый декан Девы принадлежит Солнцу, а первый декан Весов — Луне. Переводя это на образный язык апокалиптики, мы получаем, что Солнце как бы заливает, одевает Деву своими лучами, она же сама под ногами имеет Луну, т. е. лунный декан Весов. И это имеет место не только 30 сентября 395 г. и не ежегодно в сентябре, а, по символике астрологов, всегда» [16].

Мы получили две гипотезы — Н. А. Морозова и Д. О. Святского с Н. В. Румянцевым. Какой из них отдать предпочтение? Прежде всего, не будем забывать, что говорить можно только о большей или меньшей правдоподобности гипотез. Причём появление альтернативного толкования совсем не означает отрицания уже данного — просто, появилась ещё одна гипотеза. Сравнивать их можно только по эвристичности, по тому, какие возможности для понимания данного явления они дают, насколько целостной является изложенная в них реальность. Об этом может уже судить сам читатель.

Литература

1. Архив АН Ф. 543. Оп. 4 № 763. л. 5.
2. Архив АН Ф. 543. Оп. 4 № 763. л. 6-7.
3. Каменский М. По поводу книги Н. А. Морозова об Апокалипсисе // Русь. 1907. 7 апреля. № 97. с. 4.
4. Архив АН Ф. 543. Оп. 4 № 763. л. 27-40.
5. Архив АН Ф. 543. Оп. 4 № 763. л. 59.
6. Архив АН Ф. 543. Оп. 4 № 763. л. 55.
7. Гаврикова Л. Ф. Н. А. Морозов и Русское общество любителей мироведения // Николай Александрович Морозов учёный-энциклопедист. М., 1982. С. 171-173.
8. Архив АН СССР Ф. 543. Оп. 4. № 1657. л. 1.
9. В письме от 22 июня 1914 года к Н. А. Морозову Д. О. Святский пишет об этом так: «Сейчас не смотря на ужасную жару, стоящую у нас я занят в Публичной библиотеке подготовкой материала к новой моей работе, на этот раз делаемой для «Известий Императорской Академии Наук» по специальному предложению академика А. А. Шахматова. Не знаю ещё, как её назову, но содержание таково: обработка и критическая астрономическая проверка сказаний русских летописей о солнечных и лунных затмениях и кометах. Работа получается очень обширная и я не скоро вероятно с ней справлюсь». (Архив АН СССР Ф. 543. Оп. 4. № 1657. л. 29).
10. Бронштэн В.А. Разгром общества любителей мироведения // Природа. 1990. № 10. с. 122-126.
11. Святский Д. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913. С. 4.
12. Святский Д. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913. С. 9.
13. Святский Д. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913. С. 118.
14. Так было в отношении некоторых работ Н. А. Умова, П. Л. Чебышева и Н. В. Бугаева (см.: Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б. Методологическое сознание российских учёных в XIX - начале XX века» Ульяновск, 2011)
15. Святский Д. Загадка Апокалипсиса // Мироведение. 1926. № 1. С. 119—120.
16. Святский Д. Ещё об Апокалипсисе // Мироведение. 1926. № 3. С. 275—276.

2 Позволю себе сделать собственное замечание по поводу данного рассуждения Д. О. Святского. Удивляет даже не столько демонстрируемое доверие к «западному учёному», чья точка зрения лучше только потому, что она высказана «оттуда» (хотя Ф. Болл как филолог не имел достаточной квалификации для проведения математических и астрономических расчётов, позволяющих оценить положение планет относительно зодиакальных созвездий, и сделать вывод — действительно ли отсутствует астрономическая картина в Апокалипсисе), сколько непонимание того, что суть метода Н. А. Морозова состоит не только в том, что бы увидеть астролого-астрономическую составляющую в Апокалипсисе. Исчезает психологическое основание для возникновения данного пророчества. Что увиденное на небе могло так ужаснуть и впечатлить апостола Иоанна, чтобы он изрёк своё Откровение? Н. А. Морозов утверждает, что он увидел определённую конфигурацию планет в сочетании с метеорологическим катаклизмом. Ф. Болл увидел четыре ветра, звёздных божеств им покровительствующих и четыре года наблюдаемые события. Что в этом случае могло вдохновить апостола Иоанна — остаётся тайной. Методология Н. А. Морозова имеет комплексный характер — астрономический метод — это не панацея, он используется в сочетании, прежде всего, с методом психологическим.

3 Дюпюи Шарль Франсуа (1742–1809) — французский учёный, профессор в Collège de France; политический деятель в период Французской революции — член конвента. Под влиянием Ж. Ж. Ф. Лаланда заинтересовался астрономией и пытался свести к ней и к физике мифологические и религиозные представления, объясняя их как астрономические аллегории. Ему приписывают изобретение оптических телеграфов.